

Научная статья
УДК 81`38
doi: 10.17223/15617793/487/5

Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности

Татьяна Семеновна Садова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
tatsad_90@mail.ru

Аннотация. На основе лингвистического анализа Воинского устава 1796 г., созданного при непосредственном участии Павла I, рассматривается возможность реконструкции языковой личности императора. Уделяется внимание специфике организации текста, тем лексическим и грамматическим его особенностям, которые в той или иной мере характеризуют личность Павла I. Анализируются преимущественно императивные структуры текста, отчетливо отражающие как прагматику жанра, так и содержание властных интенций императора.

Ключевые слова: язык военного устава, император Павел I, языковая личность, императивность, историческая стилистика

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00338.

Для цитирования: Садова Т.С. Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 42–49. doi: 10.17223/15617793/487/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/5

Emperor Paul I in the text of the Military Regulations of 1796: Experience in the reconstruction of a language personality

Tatyana S. Sadova¹

¹ St Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
tatsad_90@mail.ru

Abstract. Each text created in a particular era involuntarily becomes the “seal” of its time, especially if it is a text of state significance, which inevitably captures state symbols, state ideology, and state political priorities. These are the most important constituent texts of the 18th century in Russia; they record the consistent and ever deepening Europeanization of all spheres of Russian society. In the era of absolute monarchy, in the texts of decrees, laws and other administrative documents, a “linguistic portrait” of the emperor is inevitably revealed, on whose behalf this or that document is created. Ego Imperatorskago Velichestva Voinskiy Ustav Polevoy Pekhotnoy Sluzhby [His Imperial Majesty’s Military Regulations of the Field Infantry Service], created with the direct participation of Paul I and embodying many of his plans to reform the army and Russia as a whole, is an indicative text in this regard. Against the background of very contradictory information about Paul I in the historical studies of famous historians and biographers of the emperor (V.O. Klyuchevskiy, D.F. Kobeko, N.K. Shil’der, etc.), the article attempts to reconstruct the image of the emperor according to the language of a specific text. Taking into account the pragmatics of the genre, special attention is paid to imperative constructions that shape the administrative intention of the main subject of expression of will, Emperor Paul. The lexical intensifiers of imperativeness (*skoro, provorno, bystro, naskol’ko mozho bystreye, vdrug* [soon, nimbly, quickly, as quickly as possible, suddenly], etc.), their combinatorics in the text, functioning and semantics according to the *Slovar’ Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy] (1789–1794) are considered. The author reveals that the semantics of impetuosity, speed and rigor in the execution of orders unites these modifiers of the imperative, in many ways reflecting the spirit of Paul’s transformations – decisive, quick, and simultaneously well thought out. Linguistic data are found that testify not to a blind copying of Prussian military documents, as many historians write, but to a creative arrangement in Paul’s era of foreign-language sources, including the military charter of the field infantry service. Thematically, integral parts of the text, setting out the educational and “pedagogical” duties of officers, testify to the detailed immersion of the authors of the regulations in “the little things of military life”, about the requirement to patiently and intelligently train recruits, the responsibility for the training resting entirely with the commanders. Indicative are examples of a fatherly caring attitude towards the sick and the

wounded, expressed by numerous imperative structures addressed to doctors, officers of different ranks, with characteristic verbs of joy and courting (*smotret'*, *radet'*, *khodit' (za)* [watch, take care, tend]), etc. and the adverbs *strogo* [strictly], *vsegda* [always], *neukosnitel'no* [strictly], etc. In the text of Paul's regulations, in contrast to the *Ustav Voinskiy* [Military Regulations] of Peter I (1716), there is no solemnity of style and artistic tropes. The severity of the presentation of the main orders and the gravitation towards the standard in all areas of military service – such is the pragmatism of this text, apparently reflecting both the spirit of Paul's time and the personality of Emperor Paul himself.

Keywords: language of military regulations, Emperor Paul I, language personality, imperativeness, historical stylistics

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00338.

For citation: Sadova, T.S. (2023) Emperor Paul I in the text of the Military Regulations of 1796: Experience in the reconstruction of a language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 42–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/5

Тема речевого портрета личности, структурируемого на основе анализа языковых фактов авторского текста (как устного, так и письменного), весьма популярна в современной лингвистике [1, 2]. Большая часть работ этой тематики посвящается сегодня речевым портретам современных российских политиков; в качестве материала для исследования в таких случаях выступают, прежде всего, тексты устной публичной речи, реже – письменные, но непременно имеющие отчетливое авторское начало (обращение, заявление, письмо и др.) [3, 4]. Понятно, что письменный текст современного документа, максимально обезличенного, созданного по формальным и содержательным стандартам, не может служить материалом для конструирования речевого портрета личности, даже в том случае, если документ подписан конкретным человеком.

Совершенно очевидно, что во времена абсолютной монархии документные тексты, прежде всего распорядительные, создавались несколько по-иному: писались они от имени государя и нередко при его непосредственном участии. Поэтому в указах, распоряжениях, уставах этой эпохи отчетливо проявляется личность монарха, его идеологические и мировоззренческие предпочтения, что в известной степени позволяет использовать эти тексты в качестве материала для «речевого портретирования» личности самодержца. Исследований такого рода чрезвычайно мало, зачастую речевые портреты российских монархов конструируются лишь на материале художественных текстов, приобретая статус речевого портрета исторического персонажа [5]. Мы же допускаем, что тексты императивных документов содержат интересный и вполне «аутентичный» материал для реконструкции образа императора, каким он запечатлен в языке даже отдельного распорядительного текста.

На основе анализа языка одного воинского устава, созданного в эпоху императора Павла I, рассмотрим возможность такой реконструкции, тем более что участие императора в его создании повсеместно подтверждается его современниками и биографами [6. С. 54; 7. С. 86]. В качестве фонового сопоставительного материала выступит текст «Устава воинского» 1716 г. (УВ), во многом отразивший личность его создателя, первого российского императора Петра I.

Примечательно, что «личность» Павла I в рассматриваемом тексте в известной степени скрыта от адресата вопреки традиции предшествующих времен предварять царские указы торжественным обращением монарха к своим подданным с неизменным указанием имени государя и царственных его титулов: *Божією милостію, Мы Петръ Первѣй, Царь и Самодержецъ Всероссійскій и прочая* <...> (УВ, 1).

В Уставе же 1796 г. имя Павла Петровича не упоминается вовсе, а его «присутствие» обозначается лишь в заглавии текста, причем исключительно статусно: «Его Императорскаго Величества Воинскій Уставъ Полевой Пехотной Службѣ». При этом совершенно понятно, что как самодержец и инициатор военных реформ Павел, несомненно, – главный субъект и источник властных распоряжений, изложенных в уставном документе. Возможно, это не столь значительный факт в деле реконструкции языковой личности российского самодержца, но, как кажется, весьма показательный: Павел I, по мнению ряда историков, никогда не любил «внешней блистательности» [8. С. 328].

При поиске «личностных характеристик» Павла в тексте созданного им устава следует иметь в виду одно обстоятельство, способное стать существенным препятствием в самой постановке такой исследовательской задачи. Известно, что язык и устройство деловых текстов XVIII в., времени активной европеизации русской канцелярии [9. С. 28], нередко напрямую зависели от переводного источника, в нашем случае – того иноязычного текста, который явился основой устава 1796 г. В исторических исследованиях, посвященных реформаторским деяниям императора Павла I, утверждается, что таким источником стал прусский военный устав 1760 г. [8. С. 86], поскольку с ранних лет сын Екатерины II отличался особенной «привязанностью к Пруссии» [8. С. 290; 10. С. 270; 11. С. 228]. Однако при более тщательном изучении военных регламентов тогдашней Пруссии и павловской России отмечается не слепое копирование, а вдумчивое, творческое переложение иноземных уставов и других военных текстов-образцов на русский лад [6. С. 54].

Творческое участие Павла I в написании устава «по русскому образцу» не могло не отразиться в речевом

оформлении этого текста. Переводной характер исходного текста-образца в этом случае уже не играл существенной роли: речевые предпочтения автора-монарха в желании наиболее точно выразить свою мысль наверняка имели большее значение. Поэтому поиск языковых особенностей рассматриваемого текста, отражающих личность императора Павла, представляется вполне оправданным.

Так, общая строгость и «нехудожественность» распорядительного документа, как кажется, весьма показательны для образа мыслей Павла I, ценившего, по свидетельству его биографов, «простые и ясные решения» [8. С. 328]. Видимо, поэтому в этом тексте почти нет поэтической тропики, что, например, характерно для военных уставов Петра I [12. С. 58; 13. С. 74].

Редкие эпитеты (*смелый отпор, храбрый натиск* и т.д.), высокие, с символическим значением, слова (*честь, долг, вера* и др.) не играют здесь особой стилистической роли и не добавляют патетики уставному тексту, нацеленному более на повседневность военной жизни, чем на «подъем духа». К тому же ко времени Павла I понятие офицерской чести уже вполне сложилось [14], а устойчивые словосочетания с участием слова «честь» (в рамках военного устава) вполне определенно приобретают статус профессионально маркированной речевой формулы:

Наблюдать, чтобы всѣ шефы и Коммандиры содержали свои полки въ комплектѣ, а о недостающихъ онымъ отвѣчать по присягѣ и чести (ВУП, 45);

Естьли Офицеръ долѣе сего срока въ отпуску пробудеть, то <...> Офицеры находятъ случай привыкать къ тому, что ни званію ни чести Офицерской не соотвѣтствуютъ (ВУП, 45).

Функциональная сосредоточенность текста на адресате, при которой замечаются «всякие мелкости военной службы» [15. С. 56]¹, – такова прагматика павловского устава, диктовавшая отбор языковых средств.

Показательно стандартно (и вполне «по-павловски») предстают заголовки глав и частей ВУП – либо в виде предложения с вопросительными местоимениями «как» и «что» (*Какъ рота ранжирована и построена быть должна; Что наблюдать караульнымъ офицерамъ*), либо – что чаще – в виде описательной конструкции с характерным предлогом «о» (*О обученіи рекрута*). Лишь три заголовка оформлены как двух- и трехсловные сочетания с указанием основной темы главы (*Комманды въ приѣмахъ; Генеральныя команды*).

Стремление к стандартизации даже «внешней формы» печатного текста – ярчайший признак павловского устава. Весьма примечательно наличие в нем целого ряда образцов документов (рапортов, записок) с полным перечнем обязательных реквизитов и описанием «жанровых правил» организации письменного текста. Таков, например, образец рапорта «Отъ гауптвахты»:

*Посылать рапорты на листъ, слѣдующей формы:
Рапортъ отъ гауптвахты, число и мѣсто.*

При отпираниі воротъ, на караулахъ и постахъ ничего новаго нѣтъ, дозоры и патрули исправно ходили, пароль былъ А. Главнымъ рундомъ ходить Капитанъ NN въ такомъ то часу <...> (ВУП, 65).

В военных уставах предшествующих эпох подобные структурные компоненты регламентирующего текста еще не имеют столь активного применения.

Многочисленны в ВУП текстовые отсылки и так называемые гиперссылки, обеспечивающие содержательную цельность и лаконичность документа – качества делового текста, которые и по меркам современной функциональной стилистики относятся к разряду конституирующих [16. С. 73]:

Пустое мѣсто наполняется вышеописаннымъ движеніемъ (ВУП, 22);

Маіоръ, который парадъ ведетъ, построитъ баталіонъ такимъ порядкомъ, какъ сказано въ четвертой части, I ѣ главь, III мѣ Артикуль (ВУП, 54).

Наряду со стремлением к экономии пространства письменного текста обращает на себя внимание обратный принцип его организации – если не избыточное, то, по крайней мере, очень подробное и детальное описание, например, каких-либо запретительных и непозволительных действий:

Во время шаржированія наблюдать крайнюю тишину, солдатамъ не позволять говорить, плевать или шевелиться, и всѣмъ оборачивать головы и глаза на право (ВУП, 27);

Часовымъ на часахъ ничего не дѣлать, ружье изъ рукъ не выпускать, не садиться, не напиваться пьянымъ, не спать, съ постовъ не сходить (ВУП, 59);

Караульному Офицеру не позволяется имѣть постели, ни илафрока, ни тулупа, и еще менѣе раздѣваться, а долженъ онъ во всю ночь быть в мундирѣ (ВУП, 115).

Все эти «мелкости службы», особенно в части запретительных распоряжений, вполне отвечают духу павловского правления, имевшего целью навести строгий порядок в войсках, в которых во времена Екатерины II «офицеры избалованы были легкою придворною службою» [10. С. 312].

Многочисленны в ВУП особые, отсутствующие, например, в Уставе Петра I, разделы под заголовком «Примѣчание», оформленные более мелким, чем основной текст, шрифтом. Очевидно, что служили они развернутому разъяснению сути предшествующей статьи Устава, причем некоторые из них сопровождались сразу тремя-четырьмя примечаниями. Часто в примечаниях указывалось на возможную вариативность при исполнении ряда директивных указаний, зависящую от сложившихся в конкретной ситуации обстоятельств. Складывается впечатление, что таким образом оформляется требование осознанного, а не слепого и безоговорочного исполнения уставных предписаний:

ПРИМЪЧАНІЕ.

*Волонтерамъ не дозволяется быть при отданіи па-
роля, исключая тѣхъ, которые дѣйствительно въ
службѣ; за что отвѣчать дежурнымъ Генераламъ*
(ВУП, 118).

В отличие от Устава Петра I, в котором весьма ча-
стотны синтаксические конструкции с функцией объяс-
нения причин, мотивировки тех или иных предписаний и
запретов (прежде всего, это сложноподчиненные предло-
жения с книжными союзами «ибо» и «понеже»), в ВУП
такие семантико-синтаксические структуры в границах
основных инструктивных тезисов весьма редки:

*Болѣе нежели на четыре мѣсяца ни которому
Офицеру отпуску не давать: ибо естли Офицеръ
долѣе сего срока въ отпуску пробудетъ, то служба
теряетъ, надлежащій порядокъ не наблюдается*
(ВУП, 45);

*Осторожными быть, особливо по вечерней и
утренней зорямъ; ибо обыкновенно непріятель сими
часами воспользоваться старается, какъ удобнѣй-
шими къ сюрпризамъ* (ВУП, 127).

Возможно, разъяснение сути или причин предпи-
сываемых действий полагали избыточным и даже
лишним делом. Как указывалось, этой цели в уставе
служили специальные «примечания». Основной же
текст распорядительного документа предполагал
«по-павловски» разумное, четкое следование букве
устава с «осознанным чувством силы закона»
[8. С. 326].

В качестве отличительной черты ВУП следует счи-
тать «неизобратательность» авторов текста (импера-
тора в том числе) в части описания возможных наказа-
ний за нарушение уставных предписаний, причем как
со стороны офицеров, так и со стороны солдат. Упо-
требляются, как правило, три устойчивые семантико-
синтаксические формулы для выражения форм наказа-
ний: «под опасением (чего-либо)»; «подвергнуть нака-
занию (такому-то)», «наказать в силу Устава воин-
ского»:

*Инспектору подъ опасеніемъ лишенія чина
отвѣчать, чтобы всѣ полки его инспекціи были ком-
плетны* (ВУП, 45);

*Часовымъ <...> ночью въ 50 шагахъ отъ себя окли-
кивать, а въ противномъ случаѣ подвергаются нака-
занію сквозь строй* (ВУП, 59);

*Въ противномъ случаѣ наказываются въ силу
Устава воинскаго* (ВУП, 60).

Чрезвычайно частотно здесь использование устой-
чивого сочетания (терминологического характера) для
именования экзекуции, применявшейся исключи-
тельно для рядовых служащих, – «прогнать сквозь
строй». Устав предписывает строгость наказания за
особо грубые провинности, например, при пользова-
нии огнестрельным оружием. Привычность и в некото-
рой степени обычность этой формы экзекуции под-
тверждается не только частотностью сочетания «про-
гнать сквозь строй», но и тем, что оно допускает раз-
личные трансформации. Например, глагол «прогнать»

используется в разных грамматических и деривацион-
ных формах:

*Подъ опасеніемъ прогнанія сквозь строй никому
неосмѣливаться заряжать примѣромъ или бросать
патронъ* (ВУП, 28);

*Солдатамъ отъ мѣстъ своихъ не отлучаться и ру-
жья не покидать; въ противномъ же случаѣ гонять
сквозь строй; и должно всѣмъ имъ быть по мѣстамъ,
какъ скоро ударятъ сборъ* (ВУП, 105);

*Часовымъ, подъ опасеніемъ гонянія сквозь строй,
ни ночью ни днемъ табаку не курить* (ВУП, 113).

Следует заметить, что военная терминология ино-
язычного происхождения, которая во времена Петра I
только формировалась и часто требовала дефиниций
(глоссов) внутри текста устава, здесь предстает цель-
ной и вполне освоенной лексической подсистемой.
Многочисленные заимствованные термины, осо-
бенно наименования военных званий и должностей,
не разъясняются, а даются простым перечнем с соот-
ветствующими инструкциями для каждой должност-
ной позиции.

Можно было бы предположить, что и в этом слу-
чае проявляется личность Павла, при котором, как
известно, «строгость к иностраннымъ <словам и со-
чинениям> доходила до невозможнаго» [17. С. 153].
И все же причины, повлиявшие на использование
иноязычной терминологии без толкований, здесь,
видимо, иные. Ко времени Павла большая часть спе-
циальной военной лексики была уже освоена и хо-
рошо знакома (по крайней мере) российскому офи-
церскому корпусу как основному адресату устав-
ного текста. Определенным свидетельством этой
освоенности может служить тот факт, что многие
термины фиксируются «Словарем Академии Рос-
сийской» (САР) и вышедшими к этому времени во-
енными учебными книгами, созданными русскими
авторами, например: «Инструкция полковничья
полку пехотному» П.А. Румянцева-Задунайского
(1761), «Книга о науке военной» Н.Г. Курганова
(1777), «Примечание о воинской службе вообще и о
егерской особенно» М.И. Кутузова (1785).

Примечательно, что в разделах, посвященных вос-
питанию новобранцев, довольно широк перечень гла-
голов-предписаний, адресованных офицерам, ответ-
ственным за боевую выучку рядового состава. Главен-
ствует в этой части устава тема умелого и терпеливого
обучения, причем, как ясно из заголовка соответст-
вующего раздела, без лишнего изнурения обучаемых
(«О лучшемъ способѣ, какъ выучить солдатъ, и приве-
сти полкъ въ порядокъ не изнуря людей» (ВУП, 36)):

*Офицерамъ только примѣчать тѣхъ, кои ошиб-
лись, и послѣ ученія, оныхъ по одиночкѣ учить и по-
правлять* (ВУП, 29);

*Офицерамъ и унтер-офицерамъ всегда замѣчать
солдатъ, которые подъ ружьемъ или въ должности
ошибались, и таковыхъ послѣ парада или ученія, или
когда съ караула смѣняются, учить* (ВУП, 36);

*Капитанъ замѣчаетъ тѣхъ солдатъ, которые еще
не выправлены и в ученіи слабы, Офицерамъ брать*

оныхъ на квартиру, выправлять, дать видъ солдатской (ВУП, 36) и др.

Этот и подобные разделы ВУП рисуют несколько иные черты личности Павла, чем те, что отмечены в ряде исторических исследований, в которых император представляется как «самовластный, горячий до иступления» [15. С. 302] или «импульсивный в поведении, категоричный в оценках и подверженный резким переменам в поведении» самодержец [18. С. XVI].

Еще более противоречит образ Павла, запечатленный в «педагогических» разделах военного устава, мнению виднейшего русского историка В.О. Ключевского, писавшего о нем как о «нравственно ненормальном царе», не желающем «знать правил человеческого общежития» [19. С. 411]. В тексте же рассматриваемого устава множество фактов, опровергающих эту явно негативную оценку, данную Ключевским, — например, в главах, посвященных правилам ухода за больными в военном лазарете:

*Капитанамъ смотрѣть, чтобы для больныхъ и слабыхъ похлебки хорошо сварены были, и прилагать всевозможное стараніе о хорошемъ за больными при-
смотре* (ВУП, 141);

Онымъ смотрѣть за симъ со всею точностію, дабы больные безъ присмотра не оставались (ВУП, 141);

Въ каждой ротѣ, полагается деньщикъ особый для больныхъ; и в каждой ротѣ быть 8 особымъ одѣяламъ для больныхъ (ВУП, 141).

Если верно то, что устав писался в точном соответствии с устроением императора и его жизненными принципами, то содержание этого текста с очевидностью опровергает тезис о его «нежелании знать правил человеческого общежития». Напротив, главы о наказаниях, правилах расположения войск среди гражданского населения, об обучении рекрутов и другие ясно свидетельствуют о глубоком понимании этих правил, а также о большом желании их скорейшего улучшения и совершенствования.

Семантику стремительности и неукоснительности исполнения приказа отчетливо выражает именно инфинитив как «более категоричная форма выражения приказа, чем <даже> повелительное наклонение» [20. С. 82]. Поэтому не случайно, что в тексте ВУП инфинитивные конструкции преобладают над всеми другими формами выражения императивности.

Следует заметить, что конструкций «не + инфинитив» (с неизбежной запретительной семантикой) в тексте ВУП значительно меньше, чем повелительных сочетаний без отрицания. Характерным фактом усиления императивного значения инфинитивных конструкций в таких случаях является присутствие так называемых интенсификаторов или актуализаторов категоричности повеления. Прежде всего, речь идет о местоимениях и местоименных группах «никогда», «никто», «все», «ни при каких случаях», а также бинарных фор-

мулах категоричности, выраженных с помощью двойного отрицания *ни* (*ни днем ни ночью, ни при зорѣ ни ввечеру* и т.д.):

Алебарду же ни когда не держать у ноги, когда солдаты ружья держатъ на плечѣ (ВУП, 24);

Офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и всему баталіону при строеніи онаго стоять недвижимо, не говорить, порядочно держать эспантоны, Алебарды и ружья, и не шевелиться никому стоя на своемъ мѣстѣ (ВУП, 24);

Офицерамъ полевыхъ и унтеръ-офицерамъ палочныхъ карауловъ отъ своихъ карауловъ ни днемъ ни ночью не отлучаться (ВУП, 114).

Примечательно также и то, что «предостерегательные» или «пожелательные» оттенки императивных конструкций [20. С. 483], используемые, например, в УВ нечасто, но довольно регулярно, в тексте павловского устава представлены единичными примерами, что также вряд ли можно считать случайностью:

Не худо иногда посылать унтеръ-офицеровъ патрулемъ; дабы часовые тѣмъ осторожнѣе были, опасаясь ихъ, болѣе нежели ефрейторовъ (ВУП, 71);

Желательно, чтобы очередь въ плутонгахъ не терялась (ВУП, 134).

Павловский устав требует строгой иерархии и жесткого распределения функций между участниками военной коммуникации, — эти качества служебного общения император ценил чрезвычайно.

Весьма показательны многочисленные наречия и наречные слова (при императивных глаголах-инфинитивах), которые, как кажется, отчетливо выражают «скорость власти», столь характерную для правления Павла [8. С. 326], его желание в кратчайшие сроки «привить законность» всем сферам жизни российского общества, военной прежде всего [10. С. 239].

Так, наиболее частотны слова-актуализаторы императивности, которые можно включить в группу интенсификаторов временной семантики: *скоро, вдруг, проворно, коротко, тотчас, как можно скорее* и др.:

Всѣ приемы дѣлать скоро и коротко по флигельману; флигельману при томъ также дѣлать скоро, но съ размахомъ (ВУП, 6);

Какъ можно скорѣе схватишь ружье съ плеча, и схватить лѣвою рукою за ружье (ВУП, 7);

Скоро и проворно вынести патронъ правую рукою на четверть отъ рта (ВУП, 8);

Вдругъ и проворно снять штыки съ дула (ВУП, 11).

*Плутонгамъ или дивизионамъ тотчасъ по командѣ изготавляться прикладываться или отстав-
лять, а Офицерамъ командовать громко и коротко* (ВУП, 28).

Ряд указанных слов требует отдельных замечаний.

Наречие «вдруг», по данным САР, имеет в языке XVIII в. два значения, первое из которых (правда, опо-

средованно) сопряжено с временной семантикой. Второе заключает в себе значение совместного действия/бытия/состояния: «1) нечаянно, неожиданно; 2) совокупно» [21. Т. 1. С. 517]. Отмеченные значения реализуются в рассматриваемом тексте, однако в различных сочетаемостных вариантах слово «вдруг» проявляет дополнительные семантические оттенки или, что чаще, синкретно выражая временное и качественное значения, актуализирует в зависимости от контекста одно из них.

Наречие «вдруг» при инфинитиве употребляется часто – как в роли одиночного обстоятельного слова, так и в разных сочетаемостных вариантах:

*Держать лъвую руку почти вытянутою, а правую руку **вдруг** откинуть* (ВУП, 47);

*Лъвою рукою **схватить вдруг** за древко противъ праваго плеча, и **вынести** обѣими руками знамя передъ себя* (ВУП, 48).

В составе контактной пары синонимов (в сочетании с наречиями «скоро», «проворно»), актуализирующей, прежде всего, временную семантику и отчасти – качественно-характеризующую, слово «вдруг» усиливает значение стремительности, повышенной (сверх обычной) скорости выполняемого действия:

***Проворно и вдруг** выдернуть штыкъ изъ ножонъ, вынести оный на четверть отъ дула въ верхъ наравно съ ружьемъ* (ВУП, 12);

*Правою рукою поворотить поттокъ Алебарды **скоро и вдруг** въ верхъ, лъвою рукою схватить за копые, а правую руку опустить къ лъвой* (ВУП, 47).

Любопытно, что чрезвычайно частотное в тексте ВУП слово «проворно» в САР не зафиксировано, в то время как в словаре В.И. Даля оно (в качестве производного слова) включается в гнездо прилагательного «проворный» и определяется широким синонимическим рядом слов различной семантики, и не только временной: «скорый, быстрый, бойкий, прыткий, расторопный, инж. моторный, поворотливый, живой, всюду поспѣвающий» [22. С. 474]. Отметим также, что парным сочетанием «вдруг и проворно», помимо временных, передаются и дополнительные семантические оттенки – ‘умело, расторопно’, ‘четко и точно’. Неслучайно при «проворно» часто используется наречие «очень», усиливающее интенсивность семы ‘умело, расторопно’. В той же функции, видимо, употребляется усилительная частица «же». Интересно, что такие сочетания встречаются преимущественно в разделах, описывающих обучение новобранцев правилам обращения с огнестрельным оружием:

***Проворно**жъ въ прежнемъ положеніи **вынести** патронъ противъ рта* (ВУП, 8);

***Вдруг и очень проворно** оттолкнуть ружье отъ тѣла* (ВУП, 10).

В сочетании же со словом «скоро» наречие «вдруг» актуализирует и усиливает исключительно временную семантику, так как у слова «скоро» в САР отмечаются три значения, и все – временные: «1) Шибко, прытко, быстро; 2) Употребляя малое время; 3) Въ непродолжительномъ времени» [21. Т. 5. С. 492].

*Перенести **вдруг и скоро** Алебарду обороченную на плечо, при томъ держать лъвую руку почти вытянутою* (ВУП, 47).

В контактной же паре с наречием «крѣпко» слово «вдруг» обнаруживает целый ряд содержательных оттенков – ‘тотчас’, ‘жестко, твердо’, ‘уверенно’. Заметим, что слово «крѣпко», выступающее в этой паре семантическим «мотиватором» общего значения, имеет три весьма показательных значения, зафиксированных в САР: «1. Твердо, плотно, прочно. 2. Неробко, отважно, съ ревностію. 3. Жестоко, сильно. 4. То же значить что *весьма, очень*» [21. Т. 3. С. 1052]:

***Вдруг и крѣпко** схватить правою рукою за дуло* (ВУП, 11);

***Крѣпко и вдруг** приступить правою ногою передъ лъвую* (ВУП, 11).

«Вдруг» в значении ‘незамедлительно и ловко’ вкупе с «крепко» со значением ‘жестко и сильно’ задают модальную рамку императивных инфинитивных конструкций, полную той экспрессии, которую можно считать выражением авторской интенции, о которой шла речь выше.

Парных сочетаний наречных слов, выступающих в роли интенсификаторов императивных структур, в тексте ВУП несколько. Часто они сочетаются с другими единичными интенсификаторами, выраженными и местоимениями, и целыми формулами, создавая цепочные соединения семантически близких речевых единиц, призванных усилить, «укрупнить» значение инфинитивов-императивов.

***Какъ можно проворнѣе** однимъ темпомъ опустить шомполь въ свое мѣсто* (ВУП, 8);

***Проворно всѣмъ вмѣстѣ** отступить правою ногою позади лъвой ноги на четверть, **какъ можно проворно** дернуть въ низъ ружье, а прикладу быть противъ лъваго колѣна <..>; при чемъ **крѣпко** держать дуло* (ВУП, 9);

*Сіи послѣднія два слова **скоро и коротко** командовать* (ВУП, 16);

*Фланговымъ унтеръ-офицерамъ **маршировать точно прямо** на то мѣсто* (ВУП, 22).

И каждая из пар (в разной комбинаторике часто одних и тех же слов), каждая из цепочек выстраивающихся слов-интенсификаторов явно и ярко передают стремительный, нетерпеливый дух государственных преобразований Павла, его «кратковременного царствования, столь обильного событиями» [10. С. 327].

Таким образом, предположение о том, что в тексте императорского воинского устава неизбежно проявляется личность его создателя (и вдохновителя), как видим, не лишено сугубо лингвистических оснований.

Языковая личность императора Павла I, формируемая в рамках одного функционально значимого текста конкретным набором языковых средств, предстает как многосложный, но цельный образ. Строгость стиля, лаконичность изложения, отсутствие ярких художественных средств, что отличает, например, воинские уставы Петра I, – все эти качества текста ВУП вполне согласуются с историческими данными о характере и манере правления Павла I, как указывалось, не любившего во всем дисциплину и службу «в согласии с фундаментальными законами воспитания» [10. С. 133]. К тому же отмечалось не раз, что Павел писал и другие «государственные записки» преимущественно «сухим и скучным языком» [8. С. 328].

Инфинитивные формулы императивности (как конституирующие синтаксические структуры для жанра устава), актуализированные многочисленными лексическими интенсификаторами с общим значением стремительности, быстроты, ловкости (*проворно, скоро, вдруг, как можно скорѣе* и др.), – яркая лексико-грамматическая особенность текста ВУП, довольно точно передающая личность «нетерпеливого императора»,

действовавшего по принципу «пусть век мой будет короток, да хоть чем-то славен» [8. С. 322].

Языковая личность, создаваемая комплексом «языковых свидетельств» о характере, поведении, намерениях лица, нередко вступает в противоречие с его историческим прототипом. Так, в главах ВУП, посвященных устройству лечебного дела в армии, активно используется лексика с семантикой заботы, тшания (при уходе за больными), а в главах о воспитании новобранцев офицерам предписывается быть терпеливыми и настойчивыми в обучении вчерашних крестьян, не наказывать солдата без должного основания – все эти языковые данные плохо соотносятся с довольно распространенным мнением о Павле I как о «нравственно ненормальном царе» [19. С. 411]. Иными словами, состав языковых средств устава 1796 г., функционально нацеленных на выражение воли Павла I в пору реформирования им российской армии, формирует языковую личность императора, по ряду признаков вполне соотносимую с личностью исторической, но в некоторых чертах способную быть ей противопоставленной.

Примечание

¹ Показателен в этом отношении заголовок одной из глав: «О мѣлких мундирныхъ вещахъ» (ВУП, 90).

Источники

ВУП – Его Императорского Величества Воинскій Уставъ Полевой Пехотной Службѣ. СПб. : Печатанъ при Сенатѣ, 1797. 144 с.
УВ – Книга Устав Воинской: О должности Генераловъ, Фельдмаршаловъ, и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежить быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и тенденціяхъ, что каждому чинить должно. СПб. : Имп. АН, 1755. 265 с.

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Крысин. Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. Вып. 1. С. 90–106.
3. Руженцева Н.Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 57–63.
4. Астахова О.И. Речевой портрет Н.Ю. Белых: динамический аспект // Политическая лингвистика. Вып. 3 (37). 2011. С. 64–68.
5. Ибрагимова Дж.Р. Языковой портрет императора Николая II в романе А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 41–46.
6. Гавриленко Е.В. Военная реформа Павла I // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (85). С. 53–56.
7. Ковалев К.С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 3. С. 85–91.
8. Песков А.М. Павел I. М. : Молодая гвардия, 2005. 422 с.
9. Петрунин В.О. Из истории письменно-деловой речи (существительные со значением отвлеченного действия на *-ние/-ение* и качества на *-ость, -ство* в юридических кодексах Древней Руси и Петровской эпохи) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. / отв. ред. В.В. Замкова. Л. : Наука, 1984. С. 5–30.
10. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): Историческое исследование. СПб. : Лига Плюс, 2001. 352 с.
11. Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича, 1796–1801 // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 227–260; 574–623.
12. Пушкарева Н.В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 57–64.
13. Садова Т.С. Язык военных уставов Петровского времени // Вопросы русской грамматики и исторической стилистики : к 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Замира Курбановича Тарланова. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 2021. С. 64–76.
14. Кондратьев А.Н. Этикет офицера русской армии XVIII – начала XX в. : историографическое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 253 с.
15. Шильдер Н.К. Императоръ Павелъ Первый. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1901. 688 с.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожина. М. : Наука ; Флинта, 2011. 696 с.
17. Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I. 1796–1801 // Исторический вестник. 1885. Т. 22, № 10. С. 151–160.
18. Томсинов В.А. Император Павел Первый (1754–1801) : государственный деятель и законодатель // Законодательство императора Павла I / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2008. С. XV–LXIV.
19. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. V. М. : Мысль, 1989. 476 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л. : Гос. уч.-пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. 621 с.

21. Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Императорская Академия Наук, 1789–1794. Т. 1. 1789. 1140 с.; Т. 3. 1792. 1388 с.; Т. 5. 1794. 1082 с.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : Русский язык, 2003. 555 с.

References

1. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.
2. Krysin, L.P. (2001) Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta [Modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1. pp. 90–106.
3. Ruzhentseva, N.B. (2019) Portrety politikov: tipologiya i rechevaya organizatsiya [Portraits of politicians: typology and speech organization]. *Politicheskaya lingvistika*. 5 (77). pp. 57–63.
4. Astashova, O.I. (2011) Rechevoy portret N.Yu. Belykh: dinamicheskiy aspekt [Speech portrait of N.Yu. Belykh: a dynamic aspect]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (37). pp. 64–68.
5. Ibragimova, Dzh.R. (2014) Yazykovoy portret imperatora Nikolaya II v romane A.I. Solzhenitsyna "Avgust Chetyrnadtsatogo" [Language portrait of Emperor Nicholas II in the novel "August the Fourteenth" by A.I. Solzhenitsyn]. *Vestnik RUDN*. 1. pp. 41–46.
6. Gavrilenko, E.V. (2008) Voennaya reforma Pavla I [Military reform of Paul I]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 12 (85). pp. 53–56.
7. Kovalev, K.S. (2016) Voennye reformy Pavla I v otsenakh istorikov i memuaristov [Military reforms of Paul I in the assessments of historians and memoirists]. *Vestnik TvGU*. 3. pp. 85–91.
8. Peskov, A.M. (2005) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Petrunin, V.O. (1984) Iz istorii pis'menno-delovoy rechi (sushchestvitel'nye so znacheniem otvlechnogo deystviya na –nie/-enie i kachestva na –ost', –stvo v yuridicheskikh kodeksakh Drevney Rusi i Petrovskoy epokhi) [From the history of written and business speech (nouns with the meaning of an abstract action ending in –nie/-enie and quality ending in –ost', –stvo in the legal codes of Ancient Rus' and the Petrine era)]. In: Zamkova, V.V. (ed.) *Funktsional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII v.* [Functional and social varieties of the Russian literary language of the 18th century]. Leningrad: Nauka, pp. 5–30.
10. Kobeko, D.F. (2001) *Tsesarevich Pavel Petrovich (1754–1796): Istoricheskoe issledovanie* [Tsesarevich Pavel Petrovich (1754–1796): Historical research]. St. Petersburg: Liga Plus.
11. Lebedev, P.S. (1877) Preobrazovateli russkoy armii v tsarstvovanie imperatora Pavla Petrovicha, 1796–1801 [Reformers of the Russian army during the reign of Emperor Paul I, 1796–1801]. *Russkaya starina*. 18. pp. 227–260; 574–623.
12. Pushkareva, N.V. (2021) Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste "Ustava Morskogo" 1720 goda [Features of imperativeness in the text of the Maritime Charter of 1720]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43 (6). pp. 57–64.
13. Sadova, T.S. (2021) Yazyk voennykh ustavov Petrovskogo vremeni [The language of military regulations of the Petrine time]. In: *Voprosy russkoy grammatiki i istoricheskoy stilistiki: k 85-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii Zamira Kurbanovicha Tarlanova* [Issues of Russian grammar and historical style: to the 85th anniversary of Zamir Kurbanovich Tarlanov, an honored scholar of the Russian Federation]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 64–76.
14. Kondrat'ev, A.N. (2011) *Etiket ofitsera russkoy armii XVIII – nachala XX v.: istoriograficheskoe issledovanie* [Etiquette of a Russian army officer in the 18th – early 20th centuries: a historiographic study]. History Cand. Diss. Moscow.
15. Shil'der, N.K. (1901) *Imperator "Pavel" Pervyy* [Emperor Paul I]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
16. Kozhina, M.N. (ed.) (2011) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Nauka, Flinta.
17. Karatygin, P.P. (1885) Tsenzura vremeni imperatora Pavla I. 1796–1801 [Censorship under Emperor Paul I. 1796–1801]. *Istoricheskiy vestnik*. 22 (10). pp. 151–160.
18. Tomsinov, V.A. (2008) Imperator Pavel Pervyy (1754–1801): gosudarstvennyy deyatel' i zakonodatel' [Emperor Paul I (1754–1801): statesman and legislator]. In: Tomsinov, V.A. *Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I* [Legislation of Emperor Paul I]. Moscow: Zertsalo, S. XV–LXIV.
19. Klyuchevskiy, V.O. (1989) Sochineniya: v 9 t. [Works: in 9 volumes]. Vol. V. Moscow: Mysl'.
20. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Leningrad: Gos. uch.-ped. izd-vo narkomprosa RSFSR.
21. Imperial Academy of Sciences. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy: in 6 volumes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
22. Dahl, V.I. (2003) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

Информация об авторе:

Садова Т.С. — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tatsad_90@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.S. Sadova, Dr. Sci. (Philology), professor, St Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 14.01.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.02.2023.